

Дина Колмышева

ТАЙНЫ МИРОВ

ПО ТУ СТОРОНУ
ЗЕРКАЛ

Нина Коломыцева

Тайны миров. По ту сторону зеркал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71984995

SelfPub; 2025

Аннотация

Ты думаешь, что знаешь себя?

А что, если вся твоя жизнь – лишь иллюзия?

Лина – обычная девушка с неприметной работой, чёрным котом и сновидениями, слишком живыми, чтобы быть просто снами. Она привыкла жить в тени... до тех пор, пока не появился он.

С его приходом всё меняется.

Зеркала начинают жить своей жизнью.

Реальность трещит по швам.

И Лина уже не уверена, кем она была – и кем должна стать.

Тайны миров. Любовь вне времени. И выбор, от которого зависит всё.

Для поклонников мистического фэнтези, магических миров, драм и историй с сильной героиней и неземной любовью.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Магия забытых миров:	17
ГЛАВА 2. Путь между мирами: Тени забытого обещания	56
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Нина Коломыцева Тайны миров. По ту сторону зеркал

ПРОЛОГ

Ночь прощания

Мрачные стены древнего замка, казалось, дышали в такт шагам двух фигур, скользящих по тайному коридору. Синие светлячки, словно живые сапфиры, вились по камням, вспы-

живая ярче при каждом прикосновении серебровласой девушки. Они узнавали её – последнюю из Хранителей Истока.

Лиана шла, едва касаясь пола своими лёгкими шагами. Её серебристые волосы, мерцали в призрачном свете, а лунная ткань плаща обволакивала хрупкую фигуру, переливаясь мягким фиолетово-голубым сиянием. В глазах девушки, несмотря на серьёзность выражения лица, горел огонь решимости и отваги.

Рядом с ней шёл Эйден – высокий мужчина с волосами чернее самой тёмной ночи и глазами цвета янтаря, в которых отражалась буря эмоций. Его тёмный плащ был расшит древними символами Хранителей Знаний, а на груди мерцал знак в виде звезды, рассечённой молнией. Каждый шаг Эйдена был исполнен напряжения, а взгляд, которым он смотрел на Лиану, выдавал глубину его тревоги.

– Ты не должна делать этого, – прошептал Эйден, его голос был подобен шелесту осенних листьев. – Мы найдём другой способ.

Лиана остановилась и повернулась к нему. В тусклом свете её лицо казалось высеченным из мрамора – прекрасным и одновременно неумолимым.

– Другого способа нет, и ты это знаешь, – мягко произнесла она, но в голосе звенела сталь. – Пророчество говорит ясно: только когда...

– Десять лет, Лиана! – Эйден перебил её., схватив её за руки. – Десять лет без тебя, в мире, где тьма королевы Теней

будет расти с каждым днём!

Лиана мягко высвободила свои руки и коснулась его лица.

– Если я останусь, мир погибнет, – произнесла она с непоколебимой уверенностью. – А если уйду... у нас будет шанс. У всех нас.

Эйден закрыл глаза, борясь с бурей внутри себя. Когда он вновь посмотрел на Лиану, в его взгляде читалась смесь боли и любви.

– Тогда я пойду с тобой, – решительно сказал он.

– Ты знаешь, что это невозможно, – покачала головой Лиана. – Кто-то должен оставаться здесь, чтобы подготовить мир к моему возвращению. Кто-то, кому я верю больше всех на свете.

Синие светлячки вокруг них закружились быстрее, словно реагируя на нарастающее напряжение между двумя душами, а тени в углах коридора, казалось, стали гуще, наблюдая за этим прощанием двух сердец.

Тайна отца

Спускаясь по спиральной лестнице, Лиана и Эйден внезапно замерли. Перед ними возникла величественная фигура в строгом тёмном одеянии. Свет факелов отражался в его седых волосах, создавая вокруг головы подобие нимба. Алварий, отец Лианы и последний из рода древних Стражей, ждал их у подножия лестницы. Его лицо, обычно суровое

и непроницаемое, сейчас отражало глубокую тревогу и нежность.

– Отец, – выдохнула Лиана, невольно сжимая руку Эйде-на. – Ты не должен был приходить. Это слишком опасно.

Алварий сделал шаг вперёд, и в его глазах, таких же серебристых, как у дочери, отразилась вековая мудрость и неизмеримая печаль.

– Неужели ты думала, что я позволю тебе уйти без прощания? – мягко упрекнул он её. – Тем более, когда знаю, что, возможно, не увижу тебя вновь.

Эйден почтительно склонил голову.

– Господин Алварий, я клянусь, что сделаю всё возможное, чтобы защитить вашу дочь.

Алварий положил руку на плечо молодого Хранителя.

– Я знаю, Эйден. Твоя преданность никогда не вызывала сомнений. Но сейчас нам нужно спешить. Тени королевы уже проникли в дом.

Алварий достал из-под плаща древний свиток, запечатанный семью восковыми печатями с символами Стражей.

– Лиана, этот путь приведёт тебя к Порталу Сумеречных Миров, – произнёс он, передавая свиток дочери. – Следуй указаниям, написанным на нём.

Лиана приняла свиток, и печати на нём слабо засветились, отзываясь на прикосновение её пальцев.

– А что будет с тобой, отец? – спросила она, и её голос дрогнул впервые за весь вечер.

Алварий улыбнулся – той редкой, теплой улыбкой, которую видели лишь самые близкие ему люди.

– Моё место здесь, дочь моя. Мой долг – защищать нашу семью до последнего вздоха. Даже если это означает противостоять королеве.

В воздухе внезапно повеяло холодом, а тени в углах зала начали сгущаться, принимая очертания человеческих фигур с глазами, мерцающими алым огнём.

– Они пришли, – тихо произнёс Алварий, и его рука легла на рукоять меча, висевшего на поясе. – Бегите, сейчас же!

– Отец! – воскликнула Лиана, но Эйден уже тянул её за руку к потайному ходу.

– Я люблю тебя, дочь моя, – произнёс Алварий, и это были последние слова, которые услышала Лиана, прежде чем тени окружили его фигуру, а потайная дверь захлопнулась за ними с Эйдемом.

За закрытой дверью раздался звон клинков и хриплый крик Алвария, переходящий в шёпот древнего заклинания. Потом наступила тишина, нарушаемая лишь звуком торопливых шагов двух беглецов, уносящих с собой надежду всего мира.

Побег

Ночной лес встретил их шёпотом древних деревьев и холодным прикосновением тумана, стелющегося по земле. Эй-

ден и Лиана бежали, не разбирая дороги, следуя лишь указаниям таинственного свитка и инстинкту Хранителей. Каждый шаг отдалял их от замка, где остался король, и приближал к спасению – и одновременно к неизбежному расставанию.

– Они могли просто схватить его, – сказала Лиана, когда они остановились на мгновение перевести дыхание. Её голос звучал надломленно, а глаза блестели от непролитых слёз. – Он мог бы выжить, если бы сдался...

Эйден положил руки на её плечи и заглянул в глаза.

– Твой отец – воин. Он никогда не сдался бы Теням, особенно зная, что его жертва даёт тебе время. Это был его выбор, Лиана.

Она кивнула, сжав губы, и они продолжили путь. Лес вокруг становился всё гуще и древнее. Корни деревьев выступали из земли, словно пытаясь схватить беглецов за ноги, а ветви сплетались над головой в непроницаемый свод, сквозь который не проникал даже лунный свет.

Внезапно Лиана остановилась и вскинула руку. Эйден замер, прислушиваясь. Сначала он ничего не слышал, кроме привычных звуков ночного леса – шелеста листвы и отдалённого уханья совы. Но потом... еле уловимый звук – словно шорох множества ног по лесной подстилке.

– Они выследили нас, – прошептал Эйден, и его рука легла на рукоять клинка. – Тени королевы.

Лиана быстро развернула свиток, проверяя их маршрут.

– Портал должен быть уже близко, – сказала она, указывая вперёд. – Но мы не успеем добраться до него, если будем отбиваться от Теней.

Эйден замер на мгновение, а затем его лицо приобрело решительное выражение.

– Иди. Я задержу их.

– Что? Нет! – воскликнула Лиана, но Эйден уже отступал на несколько шагов назад.

– У нас нет выбора. Кто-то должен дать тебе время активировать портал. И кто-то должен остаться, чтобы подготовить мир к твоему возвращению, помнишь?

Он улыбнулся – улыбкой, полной любви и решимости, от которой сердце Лианы сжалось в комок боли и тоски.

– Беги, моя родная. И возвращайся ко мне.

Лиана сделала шаг к нему, но в этот момент с дерева на них упала первая Тень – существо, похожее на человека, но сотканное из клубящейся тьмы с горящими алыми глазами. Эйден мгновенно отреагировал, выхватив меч, лезвие которого вспыхнуло голубым пламенем.

– БЕГИ! – крикнул он, и Лиана, сжав свиток в руке, побежала вперёд, оставляя позади звуки битвы и зная, что если оглянется – не сможет продолжать путь.

Она бежала, и слёзы текли по её лицу, смешиваясь с каплями ночной росы. За её спиной раздавались крики Теней и боевые заклинания Эйдена. А впереди, сквозь завесу деревьев, забрезжил странный, неземной свет – первый проблеск

Портала между мирами.

Портал между мирами

Лиана выбежала на поляну и замерла, поражённая зрелищем. Перед ней, в самом центре древнего каменного круга, сияла арка, сотканная из плачущего света и зеркальных нитей. Она пульсировала в такт биениям сердца вселенной, отражая не этот мир, а сотни других – все они мелькали, как обрывки сна, переплетаясь и сменяя друг друга в бесконечном танце возможностей.

Сделав глубокий вдох, Лиана приблизилась к portalу. Её шаги были тяжелы, словно её тело сопротивлялось самой

мысли о том, что вскоре ей придётся покинуть родной мир. Свиток в её руках развернулся сам собой, древние символы запульсировали золотым светом, сливаясь с аурой портала.

– "Врата сумеречных миров откроются лишь для крови и слезы Хранителя", – прочитала она вслух, и её голос эхом разнёсся по поляне.

Встав перед аркой, Лиана достала из складок плаща маленький кинжал с рукоятью из лунного камня. Не колеблясь, она провела лезвием по ладони. Ярко-алая кровь выступила на бледной коже, и Лиана поднесла руку к пульсирующей поверхности портала. Капли крови коснулись зеркальных нитей, и те вспыхнули, словно звёзды, озаряя поляну ослепительным светом.

– Теперь слеза Хранителя, – прошептала она.

Лиана закрыла глаза, позволяя слезам, которые она так долго сдерживала, свободно течь по её лицу. Одна слеза упала на поверхность портала, и тот изменил цвет – из серебристо-голубого став фиолетовым с вкраплениями золота.

Звуки битвы за её спиной становились всё ближе. Эйден сражался доблестно, но Тени были многочисленны, и она знала, что у неё осталось совсем мало времени.

Лиана достала из внутреннего кармана плаща небольшой кристалл – маленький аметистовый продолговатый камень, мерцающий в свете портала. Сжав его в ладони, она закрыла глаза и сосредоточилась, направляя часть своей силы в кристалл. Он засветился изнутри, принимая в себя не только её

магию, но и воспоминания – всё, что делало её Хранителем Источника.

Когда кристалл впитал достаточно энергии, он вспыхнул ярким светом, а затем медленно потускнел, запечатав внутри себя часть души Лианы. Она повесила его на шею на тонкой серебряной цепочке.

– Десять лет, – прошептала она, глядя на мерцающую поверхность портала. – Десять лет забвения, а потом... я вернусь. Я должна вернуться.

Шум за её спиной стал громче, и внезапно на поляну вырвался Эйден. Его плащ был разорван, а на лице виднелась свежая рана, но глаза горели тем же неугасимым огнём. Увидев Лиану у активированного портала, он бросился к ней.

– Они идут, – выдохнул он. – Сотни Теней. Мы должны...

Он замолчал, увидев выражение её лица, и медленно кивнул, понимая, что настал момент прощания.

– Я буду ждать, – сказал он, и его голос был хриплым от сдерживаемых эмоций. – Десять лет – не вечность.

Лиана улыбнулась сквозь слёзы.

– Для меня это будет лишь мгновение. Я не буду помнить... ничего. Ни тебя, ни этот мир.

Эйден приблизился к ней и осторожно коснулся её лица.

– Тогда я буду помнить за нас обоих, – прошептал он и, наклонившись, нежно поцеловал её в лоб. – Я найду тебя, где бы ты ни была.

Лиана улыбнулась сквозь слёзы и, с последним взглядом

на любимое лицо, сделала шаг в пульсирующую поверхность портала. В тот же миг на поляну ворвались десятки Теней, но было поздно – последняя Хранительница исчезла, растворившись в сиянии между мирами, унося с собой надежду на будущее возрождение.

По ту сторону света

Падение сквозь миры было подобно погружению в бездонный океан света и звука. Лиана летела сквозь калейдоскоп реальностей, каждая из которых манила и отталкивала одновременно. Её сознание растворялось, распадаясь на мириады осколков воспоминаний, которые исчезали один за другим, словно звёзды на рассвете.

Она видела бескрайние пустыни и сверкающие города, миры, где небо было зелёным, а вода текла вверх, миры, наполненные существами из кристалла и света, и миры, погружённые во тьму. В этом бесконечном потоке вселенных Лиана теряла себя, забывая своё имя, забывая свою миссию, забывая лицо человека, которого любила больше жизни.

Аметистовый кристалл на её груди пульсировал, впитывая эти воспоминания, сохраняя их в своих гранях, чтобы однажды вернуть их своей хозяйке. Но пока Лиана падала всё глубже в туннель между мирами, становясь всё легче с каждым потерянным фрагментом прошлого.

В какой-то момент она ощутила, как время замедляется

вокруг неё. Туннель света сужался, принимая форму конкретного пути, ведущего к определённомu миру. Лиана не могла больше различать все возможные реальности – перед ней оставалась лишь одна, всё ближе с каждым мгновением.

Она увидела планету, похожую на её родной мир, но другую – с одной луной вместо двух, с огромными городами из стекла и стали, с людьми, живущими без магии. Мир, где не было Хранителей и Стражей, где никто не знал об Источнике и королеве Теней.

Последнее, что помнила Лиана перед тем, как её сознание погасло окончательно – это ощущение прикосновения к иной реальности, словно погружение в ледяную воду после долгого пребывания у огня. И голос – древний, глубокий голос, говорящий из самого сердца мультивселенной:

– Десять циклов. Десять витков времени. А потом нить судьбы натянется, и ты вспомнишь. Ты должна вспомнить, иначе все миры падут во тьму.

Затем был свет – ослепительный, нестерпимый свет, в котором растворилось всё, что ещё оставалось от Лианы, Хранительницы Истока, возлюбленной Эйдена.

А потом наступила тьма.

И в этой тьме родилась новая жизнь – жизнь девушки по имени Лина, обычной студентки колледжа, которая не помнила ничего о других мирах, магии и пророчествах. Девушки с серебристыми волосами и странным аметистовым кулоном, который она никогда не снимала, сама не зная почему.

Так начался отсчёт десяти лет – десяти лет забвения перед неизбежным пробуждением.

ГЛАВА 1. Магия забытых миров: Пробуждение

В лучах фиолетового света

Звон будильника разрезал тишину спальни, заставив Лину недовольно поморщиться. Она протянула руку, нащупывая источник раздражающего звука, и наконец смогла его отключить. Сквозь прикрытые веки проникал мягкий фиолетовый свет – тот самый, что дарила ей гирлянда на окне. Маленькие светящиеся шарики на тонкой леске колыхались от легкого сквозняка, создавая иллюзию застывших в воздухе капель лавандового дождя.

Лина медленно открыла глаза. Серо-голубой взгляд встретился с янтарным – Брин, её черный кот, уже занял свой наблюдательный пост на подоконнике. Потягиваясь всем своим грациозным телом, он словно говорил: "Доброе утро, соня. Мир не ждёт, пока ты выспишься".

– Доброе утро, мой пушистый философ, – пробормотала Лина, зарываясь на мгновение глубже в одеяло. – Ещё пять минут, и я встану, обещаю.

Брин в ответ только фыркнул и продолжил своё ритуальное утреннее умывание. Он появился на пороге её квартиры три года назад – тощий, мокрый от дождя, но с гордым и независимым взглядом. И остался навсегда, заполнив пустоту, о существовании которой Лина даже не догадывалась.

Она всегда считала забавным, как этот своенравный кот выбрал именно её квартиру среди десятков других в многоэтажном доме. Иногда ей казалось, что он знал что-то такое, чего не знала она сама. Его глаза, глубокие и древние, порой смотрели сквозь неё, словно искали что-то давно утерянное. Странные мысли для раннего утра, но рядом с Брином они приходили к ней всё чаще.

Часы показывали 6:30 – время, когда большинство её сверстников ещё видели третий сон. Но Лине нравились эти

тихие утренние часы, когда можно было побыть наедине с собой, прежде чем город окончательно проснётся и поглотит её в своём шумном водовороте.

За окном город только начинал свой день. Первые автомобили прокладывали путь по пустынным улицам, редкие прохожие спешили по своим делам, и свет в окнах соседних домов загорался один за другим. Утренний туман, словно прозрачная вуаль, окутывал верхушки деревьев в парке неподалёку. В такие моменты Лина чувствовала странную связь со всем, что видела – будто была частью некой великой картины, в которой каждый мазок имеет своё особое значение.

Она откинула одеяло и поднялась, чувствуя прохладный воздух на коже. Сделав несколько шагов к окну, Лина на мгновение замерла, рассматривая своё отражение в стекле. Светло-русые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого за ночь выбилось несколько прядей. Серо-голубые глаза, которые иногда – особенно на закате или в минуты сильных эмоций – приобретали странный, почти серебристый блеск. "Как будто внутри тебя спрятана молния," – говорила когда-то её приёмная мать.

Странное ощущение кольнуло где-то в глубине груди. Смутное, неясное чувство, словно тихий шёпот: "Ты не та, кем себя считаешь". Лина моргнула, и наваждение исчезло. Очередное утро, очередной день. Пора начинать.

Она провела пальцами по прохладному стеклу, оставляя едва заметные следы. Последние несколько недель её пре-

следовало ощущение, что что-то должно произойти. Что-то значительное, что изменит всё. Сны становились всё более яркими и запутанными – обрывки фраз на неизвестном языке, смутные силуэты людей, которых она никогда не встречала, и странные пейзажи, не похожие ни на одно место на Земле, которое она когда-либо видела.

Брин спрыгнул с подоконника и потёрся о её ноги, возвращая в реальность. Его мурлыканье, низкое и успокаивающее, действовало на неё как самое сильное лекарство от тревоги.

– Ты прав, – тихо сказала она, наклоняясь, чтобы почесать его за ухом. – Хватит витать в облаках. У нас сегодня много дел.

И всё же, направляясь в ванную комнату, она не могла отделаться от ощущения, что сегодняшний день будет отличаться от всех предыдущих. Что фиолетовый свет, заливающий её комнату каждое утро, имеет гораздо более глубокое значение, чем просто эстетический выбор декора. И что её обычная жизнь – лишь тонкая завеса, скрывающая нечто невообразимое и прекрасное.

Утренние ритуалы

Квартира Лины на девятом этаже старого девятиэтажного дома была её крепостью, местом, где каждая вещь имела своё значение и историю. Небольшая, но уютная спальня с полками, заставленными книгами – от классической литера-

туры до современных философских трактатов. Некоторые из них были потрёпаны и исписаны пометками, другие ждали своего часа. Прикроватная тумбочка всегда хранила то, что Лина читала перед сном – сейчас там лежал томик Кафки с закладкой на середине.

Проходя мимо старинного комода, Лина на мгновение остановилась. Там, в верхнем ящике, в резной деревянной шкатулке хранился аметистовый кулон. Она не помнила, откуда он у неё взялся – возможно, остался от настоящих родителей, которых она никогда не знала. Странно, но она не могла заставить себя ни носить его, ни тем более выбросить.

Повинуясь внезапному импульсу, Лина открыла шкатулку и достала кулон. Фиолетовый камень, обрамлённый в серебро, казалось, пульсировал в её ладони, словно живое сердце. На мгновение ей почудилось, что внутри камня мелькнули странные символы, похожие на те, что преследовали её во снах. Лина моргнула – наваждение исчезло. "Просто игра света", – убедила она себя, возвращая кулон в шкатулку и задвигая ящик.

Ванная комната встретила её прохладной плиткой под босыми ногами. Ничего особенного – белые стены, душевая кабина, полочка с минимальным набором косметики. Лина не была из тех, кто проводит перед зеркалом часы. Умывшись и почистив зубы, она лишь слегка подвела глаза и нанесла немного тонального крема. В отражении на неё смотрела женщина, которая всегда казалась себе немного чужой.

Она всматривалась в своё лицо, пытаясь понять, что именно кажется ей неправильным. Высокие скулы, чуть раскосые глаза необычного серо-голубого цвета, светло-русые длинные волосы – всё это было её, и в то же время будто принадлежало кому-то другому. Порой Лине казалось, что если она посмотрит в зеркало достаточно долго и пристально, то увидит своё настоящее лицо, скрытое под этой привычной маской.

На кухне Брин уже ждал своего завтрака, нетерпеливо постукивая хвостом по полу. Светлая комната с окном, выходящим на тихий двор, была, пожалуй, самым любимым местом Лины. Здесь стоял небольшой стол, за которым она часто писала свои статьи, старенькая, но надёжная плита и маленький холодильник, украшенный магнитами со всех континентов, где ей довелось побывать.

– Ты опять разбил тарелку! – воскликнула Лина, заметив осколки на полу. – Брин, мы же договаривались: никакого вандализма в доме.

Кот в ответ только невинно мяукнул и потёрся о её ноги, словно говоря: "Это всё гравитация, я тут совершенно ни при чём".

– Ну конечно, – вздохнула Лина, наклоняясь, чтобы собрать осколки. – Посуда сама решила совершить самоубийство, прыгнув с полки. Очень правдоподобно, особенно с учётом твоих когтей на краю полки.

Брин мурлыкнул что-то в свою защиту и выжидающе уставился на холодильник. Лина достала баночку корма, наполнила миску и поставила перед котом.

– Приятного аппетита, разрушитель мебели, – с нежностью произнесла она, наблюдая, как кот с достоинством принимается за еду.

Странно, но иногда ей казалось, что Брин понимает каждое её слово. Более того, порой у неё возникало ощущение, что кот пытается что-то ей сказать, что-то гораздо более важное, чем просьбы о еде или ласке. В такие моменты его ян-

тарные глаза словно становились глубже, мудрее, почти человеческими. "Интересно, кем ты был в прошлой жизни?" – иногда спрашивала она его. Брин никогда не отвечал, но его взгляд, задумчивый и глубокий, заставлял Лину верить, что в её вопросе есть какой-то смысл.

Для себя Лина сварила кофе в турке – настоящий ритуал, от которого она никогда не отказывалась, даже если опаздывала. Вдыхая ароматный пар, поднимающийся от чашки, она смотрела в окно на просыпающийся город и чувствовала тот самый странный зуд в груди. Словно что-то важное пыталось пробиться сквозь стену повседневности, но не могло найти выхода.

"Почему мне кажется, что я живу не своей жизнью?" – подумала Лина, делая глоток горячего кофе. – "Как будто настоящая я осталась где-то... в другом месте, в другом времени".

Этот вопрос преследовал её уже несколько лет. Сначала как лёгкое ощущение неправильности, дискомфорта, словно одежда не по размеру. Затем – как постоянное чувство, что она что-то забыла, что-то критически важное. И наконец – как глубокая уверенность в том, что весь этот мир, эта жизнь – лишь тень чего-то более реального и значимого.

Лина отхлебнула ещё кофе и открыла окно. Прохладный утренний воздух хлынул в кухню, принося с собой запахи просыпающегося города – свежей выпечки из пекарни на углу, мокрого асфальта после ночного дождя, первых осенних

листьев. Она любила эти запахи, они заземляли её, возвращали в настоящее.

Часы на стене показывали 7:30. Пора было собираться на работу. Лина работала журналистом в известном журнале и вела популярную колонку о достопримечательностях городов и путешествиях по странам. Сегодня ей предстояло закончить статью о скрытых сокровищах Венеции – тех местах, которые редко посещают туристы. Она допила кофе, погладила Брина, который уже закончил свой завтрак и теперь умывался, сидя на подоконнике, и направилась в комнату, чтобы одеться.

В гардеробе, как всегда, преобладали тёмные цвета – чёрные брюки, тёмно-синие блузки, серые кардиганы. Лина редко позволяла себе яркие вещи, хотя иногда чувствовала странное влечение к насыщенным фиолетовым и глубоким изумрудным оттенкам. Сегодня она выбрала черные брюки и бирюзовую блузку, которая, как ей говорили коллеги, особенно подчёркивала голубоватый оттенок её глаз.

Одеваясь, Лина снова поймала себя на мысли о сне, который видела сегодня ночью. Древний город с высокими башнями из белого камня, улицы, вымощенные мерцающей плиткой, и странное небо – не голубое, а с лёгким фиолетовым оттенком. Она шла по этим улицам так, словно знала каждый поворот, каждый закоулок, а вокруг были люди в необычных одеждах, говорящие на языке, который она понимала во сне, но не могла вспомнить наяву. Этот город не

был похож ни на один из тех сотен мест, что она посетила за свою журналистскую карьеру.

"Всего лишь сон", – сказала она себе, застёгивая блузку. Но где-то глубоко внутри хотелось верить, что это нечто большее.

Город, поглощающий время

Весенний город встретил Лину прохладным утренним воздухом, наполненным запахом мокрого асфальта и чуть заметным ароматом цветущих где-то неподалёку деревьев. Она вышла из подъезда, кутаясь в лёгкое пальто цвета бледной лаванды. Прохожие спешили по своим делам, сжимая в руках термосы с кофе или чаем – маленькие источники тепла и бодрости в прохладное утро.

Город просыпался, наполняясь звуками: шелест шин по мокрому асфальту, обрывки разговоров, звонки телефонов, случайный смех. Лина глубоко вдохнула, на мгновение закрыв глаза. Странно, но ей казалось, что воздух должен пахнуть иначе – более сладко, с нотками неизвестных ей здесь цветов и специй. Это ощущение было мимолётным, но достаточно ярким, чтобы заставить её нахмуриться.

Рекламные щиты кричали о новых фильмах, скидках в магазинах и предстоящих концертах. Яркие картинки сливались в калейдоскоп, образуя фон для повседневной суеты. Лина шла привычным маршрутом к станции метро, время от

времени останавливаясь, чтобы сделать фотографию на телефон – необычный ракурс, игра света на стекле высотного здания, одинокий голубь, приземлившийся на капот автомобиля. Мелкие детали, которые большинство людей не замечали, но которые часто становились основой для её колонки о городской жизни.

Проходя мимо старого здания с тёмно-зелёными оконными рамами, Лина вдруг остановилась. Что-то в архитектуре дома напомнило ей башни из сна – те самые, белокаменные, с узкими окнами, устремлёнными в фиолетовое небо. Она достала телефон и сделала несколько снимков, пытаясь уловить ту грань между реальностью и видением, которое не отпускало её с утра.

"Может, это просто усталость," – подумала Лина, отправляя себе на почту одну из фотографий с коротким комментарием: "Архитектурное эхо? Исследовать историю здания".

Спустившись в метро, Лина влилась в поток пассажиров. Здесь, под землёй, город обретал другое измерение – более тесное, шумное, наполненное эхом шагов и обрывками разговоров. Она заняла место у окна вагона и достала из сумки книгу – "Поиск смысла в бессмысленном мире" Виктора Франкла. Страницы были исписаны её заметками, некоторые фразы подчёркнуты дважды.

"Человек не является абсолютно обусловленным и детерминированным; он сам определяет, будет ли он подчиняться обстоятельствам или станет выше их."

Эти слова заставили Лину задуматься. Почему же тогда она чувствовала себя пленницей обстоятельств, которых даже не могла объяснить? Как будто незримые цепи держали её в реальности, которая была слишком... обычной.

Лина перевернула страницу и наткнулась на ещё одну фразу, подчёркнутую ею несколько дней назад: "Между стилем и реакцией есть пространство. В этом пространстве – наша способность выбирать ответ. В нашем ответе лежат наши рост и свобода". Она перечитала эти слова несколько раз, размышляя о том пространстве выбора, которое, казалось, сжималось с каждым днём её размеренной жизни.

Вагон качнулся на повороте, и Лина инстинктивно подняла глаза. Напротив, среди стоящих пассажиров, мелькнула яркая фиолетовая ткань – точно такого же оттенка, как небо из её сна. Проследив взглядом, она увидела, что это был шарф женщины средних лет с седеющими волосами. На миг их глаза встретились, и Лине показалось, что женщина кивнула ей, словно приветствуя старую знакомую. Странное ощущение дежавю накрыло её, но прежде чем она успела как-то отреагировать, толпа пассажиров скрыла незнакомку.

Подняв взгляд от книги, Лина встретила глазами с мужчиной, стоящим напротив. Высокий, с тёмными волосами и странно знакомыми чертами лица. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то, что заставило её сердце забиться чаще. Но Лина тут же отвернулась, чувствуя непонятное смущение и лёгкое головокружение. Когда она снова посмотрела в ту

сторону, мужчина уже пробирался к выходу – поезд остановился на очередной станции.

Что-то в линии его плеч, в том, как он держал голову – гордо, с лёгким наклоном, – вызывало в ней странное чувство. Как будто она должна была окликнуть его, остановить, спросить о чём-то важном. Но о чём? Лина покачала головой, пытаясь стряхнуть наваждение. "Я становлюсь мнительной," – сказала она себе, захлопывая книгу и убирая её в сумку.

Странное чувство не покидало её до самого офиса. Словно кто-то прошёл рядом с ней сквозь время, оставив после себя лёгкий шлейф воспоминаний, которых не могло быть.

По пути к своему рабочему месту Лина остановилась у автомата с кофе. Привычным движением она выбрала американо без сахара, но в последний момент её рука замерла над кнопкой. Внезапно ей захотелось чего-то другого – напиток, вкус которого она не могла описать, но почему-то точно знала, что он должен быть терпким, с нотками чего-то похожего на кардамон и ванильные звёздочки. Такого в меню автомата, конечно, не было.

"Что со мной сегодня?" – пробормотала Лина, всё же нажимая на кнопку "американо". Может быть, ей просто нужно выспаться. Или, наоборот, встряхнуться, выйти из рутины. Забрав свой кофе, она направилась к рабочему столу, мысленно составляя план статьи об архитектурных отголосках прошлого в современном городском пейзаже. Эта идея при-

шла внезапно, но казалась правильной – возможно, исследуя историю города, она сможет объяснить эти странные ощущения и сны, которые всё чаще посещали её в последнее время.

В вихре слов и образов

Редакция журнала "Грани" занимала два этажа в современном офисном здании в центре города. Стекло-бетонные стены, яркие баннеры с обложками прошлых выпусков, открытые пространства с островками рабочих столов – всё это создавало атмосферу творческого хаоса, который Лина одновременно любила и находила утомительным. Даже в ранние утренние часы, офис гудел как улей, наполненный звуками телефонных разговоров, стуком клавиатур и тихим шорохом переворачиваемых страниц глянцевого журнала.

– Доброе утро, Солнышко! – громко поприветствовал её Марк, фотограф отдела моды, проносясь мимо с огромной чашкой кофе. – Сегодня встреча с новым рекламодателем, все на ушах стоят. Говорят, бюджет просто космический!

– Привет, Марк, – ответила Лина, наблюдая, как он ловко лавирует между столами, не проливая ни капли из своей переполненной чашки. – Удачи вам с этим космическим бюджетом.

Лина улыбнулась и кивнула, хотя рекламные бюджеты её мало интересовали. Её колонка "Невидимые маршруты" занимала скромное место в разделе "Стиль жизни" и рассказы-

вала о малоизвестных местах, которые стоило посетить. Она предпочитала писать не о популярных туристических маршрутах, а о скрытых жемчужинах – маленьких городках, исторических деревнях, заброшенных садах. Местах, где время словно замедлялось и позволяло услышать шёпот прошлого. Её читатели ценили эту особенность – находить в обыденном нечто волшебное, раскрывать душу места через детали, которые многие даже не замечали.

Пробираясь к своему рабочему месту, Лина кивала коллегам, большинство из которых были поглощены своими задачами – кто-то громко спорил о фотосессии для следующего номера, кто-то обсуждал последние тренды в социальных сетях, редактор отдела новостей отчитывал стажёра за фактическую ошибку. В дальнем конце зала она заметила Елену Викторовну, главного редактора, что-то энергично объясняющую арт-директору, который выглядел не слишком убеждённым.

– Лина! – окликнула её Алиса из отдела культуры. – Зайди ко мне после обеда. Есть идея для совместного материала о современных художниках, воссоздающих исторические ландшафты. Думаю, это прямо в твоём духе.

– Обязательно, – кивнула Лина, мысленно делая пометку. Идея действительно звучала интересно.

Её стол располагался в тихом углу, рядом с большим фикусом, который она спасла от гибели два года назад и с тех пор заботливо выхаживала. Растение отблагодарило её пыш-

ной изумрудной кроной, создававшей иллюзию уединения в открытом офисном пространстве. На мониторе была открыта недописанная статья о маленьком норвежском городке Ставангер. Лина села, поставила свою чашку в форме чёрного кота (подарок Арины на прошлый день рождения) на подставку и погрузилась в работу. Мягкий свет настольной лампы создавал вокруг неё своеобразный кокон, отделяющий от суеты редакции.

«Ставангер: там, где фьорды хранят тайны викингов.

Представьте себе место, где время словно остановилось в эпоху, когда драккары разрезали волны холодных морей, а суровые воины возносили молитвы Одину перед битвой. Город, где каждый камень мостовой помнит шаги поколений, а солёный морской ветер доносит отголоски древних саг. Ставангер, прижавшийся к побережью юго-западной Норвегии, хранит дух предков в каждом изгибе своих улочек и каждом всплеске волн о причалы древней гавани.»

Лина писала, и слова складывались в образы настолько живые, что она словно переносилась в те места, о которых рассказывала. Было что-то почти магическое в том, как она могла передать атмосферу города, в котором никогда не была, опираясь лишь на исследования, фотографии и интуицию. Словно часть её души уже побывала там, в другом времени или другом измерении.

По мере того как она работала, реальность редакции от-

ступала всё дальше. Шум голосов, звонки телефонов, смех и споры коллег – всё это становилось приглушённым фоном, сквозь который прорывались совсем другие звуки: шелест волн о борта деревянных лодок, крики чаек над фьордами, отдалённый звон молота кузнеца из глубины веков. Под её пальцами рождался не просто текст – создавался портал в другую реальность, куда она приглашала своих читателей.

Иногда она останавливалась, перечитывала написанное и сама удивлялась точности деталей – откуда она знала, что воздух над Ставангером имеет особый оттенок серебристого света в утренние часы? Почему была так уверена, что ступени у старой церкви Святого Свитуна стёрты именно с правой стороны? Эти образы возникали в её сознании с пугающей ясностью, словно воспоминания, а не плоды воображения.

В момент, когда она дописывала последний абзац, странное ощущение вновь кольнуло её в груди – сильнее, чем обычно. На секунду перед глазами мелькнуло видение: высокие ворота из тёмного камня, украшенные странными символами, похожими на руны. За воротами виднелся просторный двор, вымощенный серыми плитами. Лина моргнула, и видение исчезло, оставив после себя лёгкое головокружение.

Она глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула. Покачала головой – слишком много мыслей о викингах и древних легендах. Пора сделать перерыв. Она потянулась к чашке с остывшим кофе, но рука на мгновение замерла. На поверхности тёмной жидкости как будто отражались не лампы

офиса, а совсем другие огни – мерцающие, похожие на пламя факелов. Лина резко моргнула, и наваждение рассеялось. "Определённо, нужен отдых," – подумала она, поднимаясь из-за стола и направляясь к кухне за свежим кофе.

Разговор с отражением

– Ты выглядишь так, будто увидела призрака, – Арина поставила перед Линой чашку капучино с идеальной молочной пенкой, на которой бариста нарисовал изящное сердце. – Что-то случилось?

Они сидели в любимой кофейне "Сливки" – небольшом уютном месте в паре кварталов от офиса, где можно было спрятаться от городской суеты за чашкой отличного кофе и вкуснейшими круассанами. Арина, как обычно, выглядела безупречно – каштановые волосы падали идеальными волнами на плечи, зелёные глаза сияли, а безупречный макияж подчёркивал правильные черты лица. Рядом с ней Лина всегда чувствовала себя немного бледной тенью – не из-за внешности, а из-за той жизненной энергии, которая, казалось, переполняла её подругу.

– Нет, просто устала, – Лина отпила кофе, чувствуя, как тепло растекается по телу. – Знаешь, иногда мне кажется, что я застряла в каком-то сне.

Арина подняла бровь:

– В смысле?

– Не знаю, как объяснить... – Лина замялась, вертя в руках чашку. – Как будто эта жизнь – не моя, понимаешь? Словно настоящая я где-то в другом месте, делаю что-то важное, а здесь... просто жду.

Арина наклонилась вперед, опираясь локтями о стол.

– Ты часто говоришь такие вещи. Помнишь, в прошлом месяце ты рассказывала о странных снах с северным сиянием и каким-то древним городом? – она внимательно изучала лицо подруги. – Эти сны... они продолжаются?

Лина отвела взгляд, разглядывая узор на деревянном столе.

– Да, – тихо ответила она. – Только теперь они стали ярче. Более... реальными, что ли.

– Ждёшь чего? – Арина внимательно посмотрела на подругу.

– Не знаю... – Лина покачала головой. – Может, какого-то знака? Или... – она замолчала, чувствуя, как трудно выразить словами то ощущение пустоты, которое преследовало её.

– Или кого-то? – мягко закончила Арина.

Лина вздрогнула от этих слов. Они были слишком точными, слишком... верными. В глубине души она действительно ощущала эту странную тоску по кому-то – человеку без лица и имени, но почему-то бесконечно важному.

– Это звучит слишком драматично, – она попыталась отшутиться. – Просто кризис среднего возраста в двадцать восемь.

– Средний возраст – это сорок, милая, – фыркнула Арина. – И потом, кто сказал, что нельзя тосковать по кому-то, кого ты ещё не встретила? Может, твоя душа просто знает что-то, чего не знаешь ты.

– Есть такое понятие как "узнавание души", – продолжила Арина, задумчиво размешивая свой латте. – Говорят, иногда мы встречаем человека и чувствуем, будто знали его всегда. Как будто наши души помнят друг друга из другой жизни.

Лина слабо улыбнулась:

– Теперь ты говоришь о реинкарнации? Не ожидала такого от моей прагматичной подруги.

– Я не говорю, что верю в это, – пожала плечами Арина. – Но согласись, в этом есть что-то... завораживающее. Идея о том, что некоторые связи существуют вне времени.

Лина задумчиво смотрела в окно. На улице шёл лёгкий весенний дождь, заставляя прохожих прятаться под зонтами или ускорять шаг. Капли воды стекали по стеклу, искажая очертания внешнего мира. Внезапно одна из капель, скатившись по стеклу, оставила за собой серебристый след – на долю секунды Лине показалось, что это не просто игра света, а какой-то знак, символ.

– Знаешь, что самое странное? – произнесла она, не отрывая взгляда от окна. – Иногда я вижу вещи... обыденные предметы, но они словно... освещены иначе. Как будто на секунду приоткрывается дверь в другой мир, и я вижу проблеск чего-то... иного.

– Например? – Арина подалась вперёд, её зелёные глаза светились любопытством.

– Сегодня утром я смотрела на кофе в чашке, и мне показалось, что в нём отражаются не лампы офиса, а... факелы. Древние огни, – Лина смущённо опустила глаза. – Я знаю, это звучит безумно.

– А может, это всё глупости, – сказала наконец Лина. – Может, мне просто нужно перестать искать глубинный

смысл в обычной жизни и... не знаю... завести хобби? Или купить ещё одного кота?

Арина рассмеялась:

– Брин сведёт тебя с ума, если у него появится конкурент. Нет, серьёзно, Лин, может, тебе действительно нужно изменить что-то? Пойти на свидание, начать путешествовать, а не только писать об этом... Ты словно заперта в клетке, которую сама для себя создала.

– В этом вся проблема, – вздохнула Лина. – Я не знаю, чего я хочу. Отношения? У меня был Максим, и это не сделало меня счастливее. Путешествия? Я объездила полмира, но нигде не чувствовала себя по-настоящему... дома.

Она на секунду замолчала, собираясь с мыслями.

– Иногда мне кажется, что я ищу что-то, чего нет в этом мире, – тихо добавила она. – Как будто часть меня принадлежит... не этому месту и не этому миру.

Арина внимательно смотрела на подругу. В кофейне стало тише – послеобеденная суeta улеглась, и теперь в полупустом пространстве негромко играла джазовая композиция.

– Ты знаешь, о чём я думаю? – неожиданно сказала она. – Тебе нужно написать книгу. Не статью для журнала, а настоящий роман. Может, все эти чувства, сны, видения – это твоё подсознание пытается что-то тебе сказать. Возможно, ты пишешь не о том, о чём должна.

Лина задумалась. Она никогда не рассматривала свои странные ощущения как источник творчества, скорее как

нежелательные помехи, отвлекающие от реальности.

– Ты серьёзно предлагаешь мне написать фэнтези? – скептически спросила она.

– Почему нет? – пожала плечами Арина. – Может быть, когда ты выплеснешь всё это на бумагу, станет легче. Знаешь, как говорят – иногда нужно отпустить, чтобы получить.

Лина улыбнулась, но в глазах мелькнула тень – печаль, смешанная с чем-то более глубоким, почти потусторонним. На мгновение её взгляд приобрёл тот странный серебристый блеск, который так редко проявлялся.

– Может быть, ты права, – тихо сказала она. – Может быть, пора выйти из клетки.

Арина накрыла руку подруги своей:

– И знаешь что? Я буду первым читателем. Обещаю, даже если там будут летающие единороги и говорящие коты, я прочитаю всё от корки до корки.

Они обе рассмеялись, но смех Лины был немного натянутым. За окном дождь усилился, барабания по крыше кофейни и создавая уютный звуковой фон. В этот момент Лина почувствовала странное облегчение, словно приняла какое-то важное решение, даже не осознавая этого полностью.

– Хорошо, – сказала она, допивая остывший кофе. – Я попробую. В конце концов, что я теряю?

– Именно! – воскликнула Арина. – Кто знает, может, твоя следующая книга станет бестселлером и нас пригласят на красную дорожку на премьеру фильма.

Лина только покачала головой, улыбаясь. Даже если Арина не воспринимала её странные ощущения всерьёз, она всегда умела найти практическое применение любой мечте, превращая фантазии в реальные планы. Возможно, в этом и заключалась сила их дружбы – Арина заземляла, когда Лина слишком далеко уплывала в своих мыслях.

Вечер воспоминаний

К вечеру небо затянуло облаками, и дождь усилился. Лина вернулась домой промокшая, несмотря на зонт. Брин встретил её у двери, недовольно мяукая – он не любил, когда она задерживалась.

– Да-да, я знаю, – вздохнула Лина, наклоняясь, чтобы погладить кота. – Я ужасная хозяйка, заставила тебя ждать. Но в качестве извинения у меня есть новый корм со вкусом лосося.

Брин милостиво принял подношение и позволил себя простить. Лина переоделась в сухую домашнюю одежду – мягкие штаны и свободную футболку – и устроилась на диване с чашкой горячего чая. За окном сгущались сумерки, и дождь барабанил по стеклу, создавая уютный фоновый шум.

Она вспомнила их разговор с Ариной. Сегодняшняя встреча оставила в душе странное послевкусие – смесь облегчения и тревоги. С одной стороны, было приятно поделиться своими странными ощущениями с кем-то, кто не стал

сразу записывать её в сумасшедшие. С другой – проговорив свои мысли вслух, Лина словно сделала их более реальными, и теперь они требовали к себе внимания.

«Может, Арина права, и мне действительно стоит попробовать писать о своих видениях? – подумала Лина, делая глоток чая. – В конце концов, хуже точно не будет».

Включив телевизор, она наткнулась на старый фильм – романтическую историю о двух влюблённых, разделённых временем. Сюжет был банальным: герой попадает в прошлое и встречает там свою истинную любовь, но портал между мирами закрывается, и они оказываются в разных временных отрезках, обречённые на разлуку.

Обычно Лина скептически относилась к подобным историям, но сегодня что-то в этом фильме тронуло её. Она смотрела, как герои отчаянно пытаются найти способ быть вместе, преодолевая, казалось бы, непреодолимые препятствия, и чувствовала странный резонанс в душе.

– Глупо, да? – спросила она у Брина, который свернулся клубком рядом с ней. – Вся эта история с истинной любовью и судьбой. Как будто кто-то предназначен тебе вселенной, и неважно, сколько препятствий встанет на пути – вы всё равно будете вместе.

Кот приоткрыл один глаз, словно говоря: "Людские проблемы", и снова задремал. Лина улыбнулась и погрузилась в свои мысли.

Где-то в середине фильма, когда главные герои были раз-

лучены, казалось, навсегда, её охватило странное чувство де-
жавю. Словно она сама когда-то пережила подобную разлу-
ку. Это ощущение было настолько сильным, что Лина даже
поёжилась, несмотря на тепло в квартире.

«Вот оно, снова, – подумала она. – Это чувство, будто я
помню что-то, чего никогда не было. Или было, но не со
мной? Не в этой жизни?»

Мысль о прошлых жизнях вызвала у Лины нервный сме-
шок. Неужели она скатывается до таких эзотерических кли-
ше? Дальше что, начнёт раскладывать карты Таро и зажигать
ароматические свечи перед сном?

И всё же... кто знает? Может, в этих древних веровани-
ях есть доля истины? Может, душа действительно проживает
не одну жизнь, а несколько, и иногда воспоминания из про-
шлых воплощений просачиваются сквозь барьер времени?

Когда фильм закончился – естественно, хэппи-эндом,
несмотря на все драматические перипетии – Лина поднялась
и прошла в спальню. Взгляд её упал на комод, и она неочи-
данно для себя открыла верхний ящик, достав резную шка-
тулку. Внутри лежал аметистовый кулон на тонкой серебря-
ной цепочке.

Лина никогда не носила его, но и расстаться с ним не
могла. Что-то в этом кулоне – в форме неправильного ше-
стиугольника с гравировкой, напоминающей древние руны –
вызывало в ней ощущение, близкое к благоговейному трепе-
ту. Она провела пальцем по прохладной поверхности камня,

и ей показалось, что на мгновение он стал теплее.

Лина не помнила, откуда у неё этот кулон. Он просто был среди её вещей, сколько она себя помнила, словно часть её самой. Иногда ей казалось, что украшение появилось в её жизни само собой, без каких-либо объяснений. Несколько раз она пыталась вспомнить его происхождение, но память упрямо не желала выдавать эту информацию, оставляя лишь ощущение чего-то важного, но забытого.

В полумраке спальни ей показалось, что руны на кулоне слабо светятся изнутри фиолетовым светом. Лина моргнула, и свечение исчезло. «Игра воображения», – сказала она себе, но сердце почему-то забилось чаще.

Помедлив мгновение, она решилась и надела кулон. Серебряная цепочка легла на шею, а аметист опустился чуть ниже ключиц. Странно, но украшение словно было создано именно для неё – оно идеально легло, не болталось и не стесняло движений.

Подойдя к зеркалу, Лина посмотрела на своё отражение. Кулон выглядел так, словно всегда был с ней, неотъемлемой частью её образа. На мгновение ей показалось, что в глубине аметиста мелькнули крошечные искры, как звёзды в далёкой галактике.

– Я схожу с ума, – прошептала Лина, отходя от зеркала, но кулон не сняла.

Покачив головой, она всё же решила оставить его на ночь. Что-то подсказывало ей, что сегодня важно не расставаться

с ним. Она приняла душ, забралась под одеяло и вскоре заснула под монотонный шум дождя за окном, сжимая аметист в ладони, словно талисман от неведомых ночных кошмаров.

Ей снился фиолетовый свет и голос, зовущий её по имени – имени, которое она никогда прежде не слышала, но которое казалось невероятно знакомым. И во сне она отвечала на этот зов, без страха идя навстречу неизвестности.

Танец света в ночной тишине

Лиана спала, сжимая в руке аметистовый кулон. Тонкая серебряная цепочка поблескивала в лунном свете, а сам камень лежал в её ладони, согретый теплом тела. В тихой квартире, где только тиканье часов нарушало ночную тишину, произошло нечто странное. Сквозь пальцы спящей девушки начало пробиваться слабое фиолетовое свечение – настолько тусклое, что его едва можно было заметить.

Это свечение не было похоже на свет от уличных фонарей, проникающий сквозь занавески, или на отблеск далёких звёзд – оно казалось живым, пульсирующим, словно камень дышал в такт какой-то древней мелодии, слышимой лишь ему одному. Аметист разгорался всё ярче, его лучи просачивались между пальцами Лианы и создавали причудливые узоры на потолке, напоминающие древние символы забытого языка.

Брин, дремавший на подоконнике, внезапно насторожил-

ся. Его янтарные глаза широко раскрылись, уши прижались к голове. Он медленно повернулся к кровати, где пульсировал тусклый свет. Шерсть на его спине встала дыбом, а хвост напряжённо изогнулся.

Кот замер, словно оценивая невидимую опасность. Его чуткие вибриссы подрагивали, улавливая малейшие изменения в воздухе комнаты. Брин всегда был чувствителен к тому, что люди называли "потусторонним" – Лина часто замечала, как он следил за пустыми углами комнаты, словно видел там кого-то невидимого для человеческих глаз.

Свечение постепенно усиливалось, аметист словно пробуждался к жизни после долгого сна. Свет, исходящий от камня, не был похож на обычный – он словно пульсировал в такт невидимому сердцебиению, то усиливаясь, то почти исчезая.

С каждым новым всплеском света температура в комнате неувовимо менялась: то становилось прохладнее, словно дуновение ветра из открытого окна, то теплее, как будто кто-то невидимый зажёл крошечный костёр. Воздух наполнился тонким, еле уловимым ароматом – смесью грозы, влажной земли и неизвестных цветов, которых не существует в обычном мире.

Брин неуверенно прыгнул с подоконника и осторожно двинулся в сторону кровати, не спуская глаз с таинственного свечения. Каждый его шаг был осторожным, словно кот ступал по тонкому льду. Добравшись до края кровати, он под-

нялся на задние лапы, пытаясь рассмотреть светящийся кулон в руке Лианы. Свет отражался в его глазах, придавая им неземной вид.

Его зрачки то расширялись, поглощая почти всю радужку, то сужались до тонкой вертикальной линии. Казалось, кто видел в этом свете нечто большее, чем просто игру лучей. Он тихо фыркнул, словно пытаясь отогнать наваждение, но не отступил, замороженный таинственным сиянием.

Лиана беспокойно металась во сне. Её лицо выражало тревогу, словно она пыталась убежать от кого-то или чего-то. Губы шевелились, но звука не было. На лбу выступили капельки пота.

Пальцы девушки судорожно сжимали аметист, костяшки побелели от напряжения. Под закрытыми веками глаза быстро двигались, указывая на глубокую фазу сна. Длинные светлые волосы разметались по подушке, напоминая светлый ореол. Одна прядь прилипла к влажной щеке, а дыхание становилось все более прерывистым, словно Лина бежала от невидимой опасности.

Внезапно свечение кулона стало ярче, и по комнате разлился странный фиолетовый свет, словно внутренний свет аметиста вырвался наружу и теперь танцевал свободно. Брин отпрыгнул назад и спрятался под кресло, не сводя взгляда с происходящего чуда.

Фиолетовое сияние заструилось по стенам, создавая причудливые тени, напоминающие силуэты высоких башен и

стройных деревьев. На несколько мгновений комната словно преобразилась – обычная городская квартира приобрела черты таинственного замка. Тиканье часов замедлилось, а затем и вовсе стихло, словно время решило сделать паузу, чтобы насладиться этим волшебным моментом.

В этот момент Лина увидела сон – яркий, отчётливый, словно воспоминание, прорвавшееся сквозь плотину забвения. Она стояла у высоких ворот из тёмного камня, покрытых сложными узорами. Ворота медленно открывались, пропуская её внутрь. За ними был сад – невероятный, неземной, с цветами, каких не существует в нашем мире. Деревья с серебристой корой и листьями всех оттенков фиолетового. Воздух, наполненный ароматами, которым нет названия на земле.

Лина двигалась по извилистой тропинке, вымощенной камнями, которые светились изнутри мягким перламутровым светом. Трава под её босыми ногами была мягкой и прохладной, но не влажной – она словно ласкала ступни, даря ощущение блаженства. Над головой простиралось небо, не похожее на земное – фиолетово-синее, с двумя лунами: одна серебристая, другая – с золотистым оттенком.

По мере продвижения вглубь сада Лина начала слышать музыку – неземные мелодии, исполняемые на инструментах, которых нет в нашем мире. Звуки окутывали её, словно живое существо, проникали под кожу, вызывая дрожь блаженства. И с каждым шагом становилось все сильнее ощущение,

что она не открывает для себя что-то новое, а возвращается туда, где когда-то была дома.

А потом появилась рука в тёмной кожаной перчатке – сильная мужская рука, протянутая к ней. Лина не видела лица обладателя этой руки, но чувствовала, что знает его лучше, чем саму себя. И когда она почти коснулась его пальцев, прозвучал голос – глубокий, родной, с ноткой, от которой сердце сжималось в сладкой агонии:

"Лиана... Пора вспомнить, кто ты. Пора вернуться домой."

Этот голос вызвал волну воспоминаний – разрозненных, словно осколки древней мозаики. Балконы, увитые серебристыми лозами с фиолетовыми цветами. Библиотека с книгами, страницы которых светились в темноте. Высокие башни, уходящие в небо, где обитали существа с крыльями из света. И везде этот человек – рядом с ней, держащий её за руку, смотрящий в глаза с такой любовью, от которой перехватывало дыхание.

И в этот момент в реальном мире произошло нечто необъяснимое – аметистовый кулон высвободился из руки Лианы и взлетел в воздух. Он висел несколько секунд, излучая пульсирующий свет, а затем медленно поплыл над кроватью. Брин, наблюдавший за этим из своего укрытия, издал тихий предупреждающий звук, но не осмелился вмешаться.

Траектория движения кулона не была прямой – он плыл по воздуху, словно танцуя, оставляя за собой шлейф фио-

летовых искр, которые медленно таяли в воздухе. Казалось, что какая-то невидимая сила несла его, бережно держа между небом и землёй. Воздух вокруг камня слегка искрился, словно крошечные звёзды рождались и умирали в мгновение ока.

Брин, прижавшись к полу, следил за путешествием кулона, и в его глазах отражался не только страх, но и некое понимание происходящего, словно древняя кошачья память хранила знание о подобных явлениях. Его хвост нервно подёргивался, но он не издавал больше ни звука, словно боялся спугнуть волшебство момента.

Кулон опустился на подушку рядом с лицом Лины. Свечение постепенно угасло, и камень стал обычным – просто красивый фиолетовый аметист в серебряной оправе. Только тепло, исходящее от него, напоминало о том, что только что произошло нечто за гранью обычного понимания.

В момент соприкосновения кулона с подушкой выражение лица Лины изменилось – тревога ушла, уступив место умиротворению. Её дыхание стало ровным и глубоким. Губы слегка изогнулись в улыбке, словно ей наконец удалось найти что-то давно потерянное.

За окном ночной город жил своей обычной жизнью – мерцали огни, изредка проезжали автомобили, где-то вдалеке звучала музыка из ночного клуба. Никто не знал, что за обычными стенами обычного дома только что приоткрылась дверь между мирами.

Брин наконец осмелился выйти из своего укрытия. Он осторожно приблизился к кровати, запрыгнул на неё и устроился у ног Лины, не сводя настороженного взгляда с аметиста. Что-то подсказывало ему, что жизнь его хозяйки – а значит, и его собственная – уже никогда не будет прежней.

В спальне снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов, которые как ни в чём не бывало продолжали отсчитывать время. Но теперь это было уже не прежнее время – в нём появилась новая глубина, новая тайна, ждущая своего часа, чтобы раскрыться полностью.

Пробуждение в новой реальности

Лина проснулась резко, словно выброшенная из глубин сна невидимой силой. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица, а тело покрывал холодный пот. Первые лучи рассвета едва пробивались сквозь шторы, окрашивая комнату в бледно-серые тона. Предметы в полумраке казались незнакомыми, словно она проснулась не в своей спальне, а в каком-то чужом месте.

Образы сна ещё стояли перед глазами – настолько яркие и отчётливые, словно это были не фантазии подсознания, а воспоминания. Тот сад с неземными цветами, чьи лепестки пульсировали мягким светом... ворота из тёмного камня с вырезанными на них символами, похожими на те, что украшали её кулон... глубокий голос, назвавший её Лианой, зву-

чавший одновременно чужим и до боли знакомым. Она помнила, как во сне этот голос рассказывал ей о мире за воротами, о силах, спящих в её крови, о предназначении, которое она должна исполнить.

– Лиана, – прошептала она, пробуя имя на вкус. Оно ощущалось странно правильным на языке, словно её настоящее имя, которое она носила когда-то давно. В этом имени звучала сила и грация, отголоски какой-то древней истории. "Лиана" вдруг показалось ей слишком простым, неполным, как незаконченный рисунок.

Она потёрла виски, пытаясь справиться с головокружением. Странное ощущение раздвоенности не покидало её – словно две личности, Лина и Лиана, боролись за право существовать в одном теле. Путаница образов и имён вызывала тревогу, но и какое-то болезненное любопытство – что за история стоит за этим? Кто такая Лиана? И почему именно сейчас эти видения стали такими яркими?

Лина повернула голову и замерла. На подушке рядом с ней лежал аметистовый кулон. Тот самый, с которым она легла спать накануне вечером. Она точно помнила, как надела его перед сном, ощущая странное спокойствие от прикосновения камня к коже. Теперь же он лежал на подушке, словно кто-то снял его с её шеи, пока она спала. Мурашки пробежали по коже от осознания необъяснимости происходящего.

Она медленно протянула руку и дотронулась до камня – он был тёплым, словно живой, и слегка пульсировал в такт её

сердцебиению. От прикосновения к нему по пальцам пробежала еле заметная дрожь, похожая на слабый электрический разряд, но не неприятная, а скорее бодрящая.

— Как ты здесь оказался? — прошептала она, поднимая кулон. В утреннем свете аметист казался обычным, но что-то в нём изменилось — он словно наполнился внутренним сиянием, хотя никакого видимого свечения не было. Глубина камня казалась бесконечной, как будто он был не просто кристаллом, а окном в другое измерение. В его фиолетовых гранях мелькали тени и отблески, складываясь в узоры, которые тут же распадались, не давая уловить себя.

Брин запрыгнул на кровать и осторожно обнюхал кулон. Его поведение было странным — он словно признавал в камне что-то знакомое и при этом опасался его. Шерсть на загривке кота стояла дыбом, глаза расширились, а уши были напряжённо направлены вперёд. Он издал низкий звук, нечто среднее между мурлыканьем и рычанием.

— Ты что-то знаешь, да? — Лина погладила кота, чувствуя, как дрожит его тело. — Что происходит, Брин? Что это за кулон на самом деле? Ты ведь видишь что-то, чего не вижу я?

Кот только мяукнул и отступил на край кровати, настороженно наблюдая за кулоном в руке хозяйки. Его хвост нервно подёргивался, а глаза не отрывались от аметиста. Лина повертела камень, рассматривая странные символы, выгравированные на серебряной оправе. Раньше она не придавала им значения, но теперь почему-то казалось, что она почти

понимает их смысл – словно древний язык, который она когда-то знала, но забыла.

Каждый символ, казалось, шептал ей свою историю. Один напоминал спираль, закручивающуюся внутрь – путь к центру себя? Другой походил на языки пламени – очищение или трансформация? Третий был похож на крылья – полёт, свобода или переход между мирами? Чем больше она вглядывалась в них, тем сильнее становилось ощущение, что эти знаки – часть какого-то послания, предназначенного именно ей.

Внезапно её охватило непреодолимое желание снова надеть кулон. Это было почти импульсивное чувство – словно кто-то другой управлял её руками. Она попыталась сопротивляться этому порыву, но не могла – притяжение было слишком сильным, почти гипнотическим. Она расстегнула тонкую серебряную цепочку и медленно застегнула её на шею, словно выполняя древний ритуал.

В момент, когда аметист коснулся кожи в ямке между ключицами, Лина почувствовала странный прилив энергии – словно тепло растеклось от кулона по всему телу, достигнув кончиков пальцев. На мгновение каждая клеточка её тела словно засветилась изнутри. В груди, там, где всегда был тот неясный зуд, словно что-то разбилось – как будто невидимая стена, отгораживающая её от чего-то важного, дала трещину.

Память внезапно вспыхнула образами, быстрыми и яркими, как кадры киноплёнки: серебристая река, текущая по

небу вместо земли; громадные деревья с листьями, меняющими цвет от прикосновения; существа, похожие на людей, но с глазами, светящимися как у кошек; и она сама в длинном одеянии с аметистовым кулоном на груди, читающая заклинание над каменной чашей. Видения исчезли так же быстро, как появились, оставив после себя странное чувство ностальгии по месту, которого она никогда не знала.

Она встала с кровати и подошла к зеркалу. Отражение показывало ту же Лину – светло-русые волосы, немного растрёпанные после сна, серо-голубые глаза. Но что-то в её взгляде было другим – словно из глубины смотрел кто-то ещё, кто-то, кого она забыла. Лина или Лиана? Рациональный ум говорил, что всё это – лишь игра воображения, последствия слишком яркого сна. Но интуиция настойчиво шептала, что происходящее реально и значимо.

Она провела рукой по волосам, и ей показалось, что пряди стали гуще и длиннее, приобрели более глубокий оттенок. Черты лица словно стали чётче, скулы выше, губы полнее. Но стоило моргнуть – и всё вернулось к привычному облику. Была ли это игра света или первые признаки какой-то более глубокой трансформации?

Кулон на шее мягко поблёскивал, словно подмигивая ей. Лина прикоснулась к нему, и камень ответил еле ощутимой пульсацией, словно живое сердце. Брин спрыгнул с кровати и осторожно приблизился, глядя на хозяйку с любопытством и опаской. Он осторожно обнюхал её ноги, словно проверяя,

та ли это Лина, которую он знал, или уже кто-то другой.

— Всё в порядке, — сказала Лина, но голос прозвучал странно, словно чужой. В нём появились новые нотки — более глубокие, мелодичные, с лёгким акцентом, которого никогда раньше не было. Она прокашлялась и повторила: — Всё в порядке, Брин. Это всё ещё я.

Но была ли она уверена в этом? Ощущение себя размывалось, как контуры предметов в тумане. Кем она была на самом деле — обычной девушкой Линой или таинственной Лианой из своих снов? И что означали все эти изменения — начало пробуждения или начало безумия?

Она снова посмотрела в зеркало. На мгновение глаза в отражении изменились — стали глубже, ярче, с отчётливым серебристым отблеском. А потом снова стали обычными.

За окном город просыпался — доносились звуки проезжающих машин, голоса людей, спешащих на работу, музыка из чьего-то открытого окна. Обычная жизнь текла своим чередом, не подозревая, что в одной из квартир грань между мирами становится всё тоньше, а девушка по имени Лина стоит на пороге открытия, которое изменит её навсегда.

ГЛАВА 2. Путь между мирами: Тени забытого обещания

Ночное Пробуждение

Холод пробирал до костей, несмотря на тёплый плед, которым Лина укуталась перед сном. Она открыла глаза, не понимая, что разбудило её посреди ночи. Комната тонула в густой темноте, но в этой черноте мерцали фиолетовые огоньки – гирлянда, которую она отключила перед сном, странным образом светилась, отбрасывая на стены причудливые тени.

Часы на прикроватной тумбочке показывали 3:33. Лина помнила, как читала когда-то, что это время – пик активности потусторонних сил, время, когда завеса между мирами истончается до предела. Она всегда посмеивалась над такими суевериями. До этой ночи.

В полумраке Лина различила силуэт Брина – её чёрного кота с янтарными глазами. Он застыл у порога спальни, напряжённо вглядываясь в пространство коридора. Его шерсть встала дыбом, а из груди вырывалось низкое, утробное шипение. Никогда прежде она не видела своего обычно флегматичного питомца в таком состоянии. Это пугало больше,

чем странное пробуждение и самопроизвольно включившаяся гирлянда.

— Брин? — позвала Лина, и её голос прозвучал непривычно глухо, словно пространство комнаты поглощало звуки. — Что случилось?

Кот не отреагировал. Его взгляд был прикован к зеркалу в коридоре, отражавшему часть спальни. Внезапно Брин издал пронзительный вопль и молниеносно исчез под кроватью. Из-под покрывала, свисающего до пола, доносилось тихое рычание — Брин забился в самый дальний угол, будто пытаясь спрятаться от чего-то невидимого человеческому глазу, но очевидного для кошачьего восприятия.

Лина почувствовала, как по спине пробежал холодок. Комната казалась чужой, словно пространство вокруг неё неуловимо изменилось. Воздух стал плотнее, тяжелее, каждый вдох требовал усилий. Она могла поклясться, что слышит тихий шёпот, доносящийся откуда-то из глубины квартиры — неразборчивый, но настойчивый, зовущий её.

Она сбросила плед и осторожно встала с кровати. Пол под босыми ногами ощущался неестественно ледяным, будто она ступала не по паркету своей квартиры, а по промёрзшей земле. С каждым шагом холод поднимался выше, окутывая лодыжки, колени, бёдра.

«Я схожу с ума», — мелькнула мысль. Лина протянула руку к выключателю ночника, но остановилась. Что-то подсказывало ей, что темнота сейчас — её союзник, а свет может

выхватить из мрака то, что лучше не видеть. Она сглотнула, ощущая, как пересохло в горле.

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, Лина двинулась в ванную. Тусклый свет фиолетовой гирлянды проникал сюда, создавая призрачное освещение. От кафельных стен волнами расходился холод, а зеркало над раковиной поблёскивало, притягивая взгляд. На поверхности стекла виднелись странные разводы, похожие на следы пальцев, хотя Лина была уверена, что вечером протирала его до блеска.

Лина включила воду, плеснула на лицо и подняла взгляд на зеркало над раковиной. Капли стекали по её щекам, холодные, как слёзы мертвеца. Она вздрогнула от этой неожиданной мысли.

То, что она увидела, заставило ее сердце на мгновение остановиться. Её отражение... двигалось не синхронно. Оно отставало от её движений на доли секунды, будто между ней и зеркальным двойником возникла временная задержка. Лина наклонила голову влево – отражение повторило жест с едва заметным опозданием. Она подняла руку – двойник в зеркале сделал то же самое, но как будто неохотно, с сопротивлением. Когда Лина в ужасе отшатнулась, её отражение медлило, словно нехотя повторяя движение. Более того, ей показалось, что губы зеркального двойника искривились в лёгкой усмешке, которой точно не было на её собственном лице.

«Это невозможно. Я просто не выпалась. Галлюцинации

от переутомления».

Она крепко зажмурилась, до боли сжав пальцами края раковины. «Досчитаю до десяти, и всё исчезнет», – подумала Лина, цепляясь за последние крупички здравого смысла. «Раз, два, три...» – чем дальше, тем медленнее продвигался счёт. Ей казалось, что комната вокруг начинает вращаться, а из зеркала веет ледяным дыханием иного мира.

Дрожащей рукой она нащупала выключатель. Яркий свет залил ванную, и зеркало... показывало теперь обычное отражение. Напряжённое, бледное лицо с расширенными от страха зрачками. Это была она, обычная Лина, без тревожных аномалий. Лина нервно рассмеялась, ругая себя за мнительность.

Но когда она выключила свет и повернулась к выходу, ей показалось, что в темноте зеркала мелькнуло что-то ещё – чьи-то глаза янтарного цвета, наблюдающие за ней из глубины отражения. Они не были похожи на кошачьи глаза Брина. Это был взгляд существа, разумного и древнего, знающего о ней гораздо больше, чем она сама.

Лина практически выбежала из ванной, захлопнув за собой дверь. Сердце колотилось где-то в горле. Кулон на её шее, который она никогда не снимала, ощущался неестественно тяжёлым и горячим, словно раскалённый металл. Когда она прикоснулась к нему пальцами, ей показалось, что внутри фиолетового камня пульсирует слабый свет – точно такой же, как у загадочно ожившей гирлянды.

«Утром всё это будет казаться сном», – убеждала себя Лина, возвращаясь в постель и закутываясь в плед с головой, как делала в детстве, когда боялась монстров в шкафу. Но глубоко внутри она понимала – это только начало. Граница между её привычным миром и чем-то иным истончилась, и уже ничто не будет прежним.

Утренний Визитёр

Утро встретило Лину тишиной, которая казалась неестественной для её обычно уютной квартиры. Солнечный свет, проникающий сквозь жалюзи, рисовал на полу полосы, похожие на прутья клетки. Лина потёрла виски, пытаясь отогнать остатки ночного кошмара, но ощущение чужого присутствия не покидало её.

Взгляд Лины остановился на письменном столе у окна. Сердце на мгновение замерло. Рядом с фиолетовым кулоном, который она сняла вчера вечером, лежал небольшой листок бумаги. Лина медленно приблизилась к столу, не веря своим глазам. На листке аккуратным почерком – её собственным почерком – было написано: **«Ты обещала. Не забывай».**

– Я не писала этого, – прошептала Лина, ощущая, как волна паники поднимается изнутри. – Я не могла этого написать.

Осторожно, будто боясь обжечься, она коснулась кулона. Странно, но камень был тёплым, словно живым. Он пуль-

сировал под пальцами, как маленькое сердце. Несмотря на страх, Лина ощутила непреодолимое желание надеть его. Словно кулон звал её, обещая ответы на вопросы, которых она ещё не успела сформулировать.

– Что происходит со мной? – прошептала Лина, надевая кулон. Камень коснулся кожи, и по телу пробежала волна тепла.

В тот же момент гирлянда на стене снова вспыхнула фиолетовым светом, хотя была отключена от сети. Лина резко обернулась к окну и замерла. В стеклянном отражении за её спиной стояла фигура. Высокий мужчина в тёмной одежде. Его лицо оставалось в тени, но Лина каким-то внутренним чувством знала – он смотрит прямо на неё. И этот взгляд проникал в самую душу.

Сердце Лины застучало как сумасшедшее. Она не могла пошевелиться, парализованная страхом и еще каким-то странным чувством... Казалось, что комната вокруг неё начала вращаться, а воздух стал густым и тяжёлым.

– Кто здесь? – выдохнула Лина, обращаясь к отражению.

Фигура в окне шевельнулась, словно собираясь ответить, но в тот же миг исчезла, будто её и не было. Лина моргнула, пытаясь осознать, действительно ли она видела кого-то или это лишь игра воображения. Но записка на столе была реальной. И тепло кулона на шее было реальным. И ощущение, что её жизнь вдруг пошла по совершенно иному пути, было более реальным, чем всё остальное.

Дрожащими руками она взяла записку. Бумага казалась странной на ощупь – слишком плотной, с лёгким металлическим оттенком. Когда Лина поднесла листок к свету, ей показалось, что чернила меняли цвет, переливаясь от чёрного к фиолетовому. «Ты обещала. Не забывай». От этих простых слов веяло чем-то древним, как будто обещание было дано не вчера и не год назад, а в какой-то другой жизни.

Лина прошла на кухню, машинально налила себе кофе. Руки всё ещё дрожали. Через открытую дверь ей была видна гостиная и окно, в котором она увидела отражение незнакомца. Странно, но страх постепенно уступал место другому чувству – необъяснимому любопытству.

Вдруг телефон Лины завибрировал, заставив её вздрогнуть. На экране высветилось имя её подруги Арины. Лина взяла трубку, чувствуя облегчение от возможности поговорить с кем-то реальным.

– Алло, – голос Лины звучал хрипло и неуверенно.

– Лина? Ты в порядке? – в голосе Арины слышалось беспокойство. – Ты помнишь, что мы договорились сегодня встретиться?

– Да... нет... – Лина запнулась. Как объяснить, что произошло нечто необъяснимое? – Арина, ты веришь в призраков?

– Что? – удивилась подруга. – Лина, ты странно говоришь. Что случилось?

Лина посмотрела на отражение своего лица в экране те-

лефона. Её глаза выглядели по-другому – зрачки были расширены, а радужка казалась темнее, чем обычно, с едва заметным фиолетовым оттенком.

– Ничего, – выдавила она наконец. – Прости, я плохо спала. Конечно, я помню о встрече.

После разговора с Ариной Лина вернулась в спальню и застыла на пороге. В зеркале шкафа она снова увидела силуэт. На этот раз фигура была чётче, и Лина могла различить детали – тёмные волосы, резкие черты лица и янтарные глаза, которые она заметила вчера в ванной.

Силуэт в зеркале поднял руку, и Лина, окаменев от страха, смотрела как замороженная. Холодный пот выступил у неё на лбу. Ей казалось, что чужие пальцы вот-вот прорвут стеклянную преграду и дотянутся до неё.

«Ты обещала. Не забывай».

– Я ничего не обещала! – выкрикнула Лина, пятясь назад. – Я не знаю вас! Уходите!

Губы незнакомца в отражении шевельнулись, и Лине показалось, что она услышала жуткий шёпот, доносящийся словно из преисподней: «Ты вспомнишь...»

Ужас сковал её тело. Этот человек, это существо – оно было совершенно чужим, но в то же время оно словно знало о ней всё. Кулон на её шее начал пульсировать, обжигая кожу, но Лина боялась даже дотронуться до него.

Силуэт в зеркале стал надвигаться, хотя сама Лина не двигалась с места. Янтарные глаза незнакомца гипнотизирова-

ли её, наполняя душу первобытным ужасом. Комната вокруг словно потемнела, и Лина услышала странный звук – как будто трескалось стекло или тонкая грань между мирами.

А потом он исчез, оставив Лину дрожащей и задыхающейся от страха. Она рухнула на колени, обхватив голову руками. Что-то древнее и пугающее вторгалось в её жизнь, и Лина чувствовала себя абсолютно беззащитной перед этой неведомой силой. Что ещё хуже, где-то глубоко внутри зародилось чувство, что этот кошмар только начинается.

Встреча в Отражении

Утро выдалось на удивление свежим. Лина решила пойти

на пробежку – пусть прохладный воздух и физическая нагрузка помогут очистить голову от навязчивых мыслей. Она бежала через парк, стараясь сосредоточиться только на ритме дыхания и стуке кроссовок по дорожке. Чем дальше она бежала, тем легче становилось. Странные видения, кошмары, необъяснимое поведение кулона – всё это казалось далёким и нереальным под ясным утренним небом. Но вернувшись домой, приняв душ и подойдя к зеркалу, чтобы собрать влажные волосы, она поняла, что от кошмара так просто не убежишь.

Холодный пот выступил на спине Лины, когда она резко обернулась, ожидая увидеть того, кто стоял за её спиной в отражении. Но комната была пуста. Только Брин сидел на подоконнике, настороженно прижав уши.

– Я схожу с ума, – прошептала Лина, прижимая руки к вискам. – Это просто невозможно.

Кулон на шее внезапно стал тяжелее, словно налился свинцом. Она ощупала его дрожащими пальцами, чувствуя незнакомую гравировку, которой, она могла поклясться, ещё вчера там не было.

Словно в трансе, она медленно двинулась к зеркалу в коридоре. Каждый шаг давался с трудом, будто она шла против сильного течения. Остановившись перед зеркалом, Лина заставила себя поднять взгляд.

Первое, что она заметила – несинхронность. Она подняла руку, но отражение сделало это с задержкой в половину

секунды. Она наклонила голову, и её зеркальный двойник повторил движение с запозданием, словно обдумывая, стоит ли подчиняться.

В глубине комнаты Брин издал низкое, утробное рычание. Лина обернулась и увидела, как кот выгнул спину дугой, а его шерсть встала дыбом. Он смотрел не на неё, а сквозь неё – на зеркало.

– Что происходит? – Лина коснулась холодной поверхности зеркала.

Стекло под её пальцами неожиданно показалось тёплым и податливым, будто тонкая плёнка воды. По его поверхности пробежала рябь, как по озеру от брошенного камня.

И в этот момент отражение изменилось. За её спиной в зеркале появился размытый силуэт мужчины. Высокий, темноволосый, он стоял в какой-то просторной зале с высокими потолками и витражными окнами – комнате, которой не было в квартире Лины. Через цветные стёкла витражей проникал странный, серебристо-голубой свет, создавая причудливые узоры на мраморном полу. В полумраке его лицо трудно было разглядеть, но одна деталь выделялась чётко – янтарные глаза, светящиеся нечеловеческим светом. На правой брови виднелся шрам – тонкий, белёсый, похожий на след от удара клинка.

Лина застыла, не в силах отвести взгляд от этого видения. Незнакомец смотрел прямо на неё, и в его глазах читалась такая боль, такая тоска, что у Лины перехватило дыхание.

Что-то в его облике – в изгибе губ, в линии челюсти – казалось неуловимо знакомым, вызывая смутное ощущение дежавю.

– Лиана... – прошептал он, и его голос, глубокий и бархатистый, отдался эхом не в комнате, а в голове Лины. – Ты должна вернуться.

Этот голос вызвал в ней странную реакцию – внезапный прилив эмоций, которые она не могла объяснить. Тоска, страх, и что-то ещё, что-то глубоко спрятанное, что она не могла или не хотела признать.

Лина отшатнулась от зеркала, но не могла оторвать взгляд от янтарных глаз незнакомца. В них было что-то пугающе знакомое, будто она смотрела в глаза человека, которого знала всю жизнь.

– Я не Лиана, – прошептала она. – Меня зовут Лина. Кто ты? Что тебе нужно от меня?

Её голос дрожал, срываясь на каждом слове. Незнакомец сделал шаг ближе к зеркалу, и теперь его лицо осветил призрачный свет витражей. Он был красив той опасной, хищной красотой, что заставляет сердце замирать от смеси страха и восхищения.

– Не обманывай себя, – тихо произнёс он. – Ты знаешь, кто ты на самом деле. Глубоко внутри ты всегда это знала.

Лина покачала головой, ощущая, как болезненно пульсирует кулон на шее.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь. Я никогда не видела

тебя раньше. Я никогда не была в том месте, где ты сейчас.

Мужчина поднял руку, словно пытаясь дотянуться до неё через зеркало. Его пальцы почти коснулись стеклянной поверхности с той стороны.

– Ты забыла, – произнёс он с такой горечью, что сердце Лины сжалось от необъяснимой боли. – Но скоро вспомнишь. У нас мало времени, Лиана. Ты должна вернуться, прежде чем будет слишком поздно.

– Поздно для чего? – выдохнула Лина, почувствовав, как страх сменяется внезапным, необъяснимым любопытством. – Что происходит? Что это за место там, за тобой?

На лице незнакомца промелькнула тень улыбки – печальной и нежной одновременно.

– Это твой настоящий дом, Лиана.

Его образ начал расплываться, словно акварель под каплями дождя. Свет витражей задрожал, стены зала за его спиной словно подёрнулись дымкой. Лина потянулась к нему, прижав ладони к зеркалу сильнее, словно могла удержать видение одной лишь силой воли.

– Подожди! Не уходи! – воскликнула она, но незнакомец продолжал исчезать, растворяясь в серебристом сиянии. Последнее, что она увидела – его янтарные глаза, полные отчаяния и немой просьбы.

А потом зеркало вновь стало обычным стеклом, отражая лишь растерянную девушку с расширенными от ужаса глазами. Лина в замешательстве смотрела на свои ладони – они

светились слабым, угасающим светом, оставляя на поверхности зеркала тонкую вязь светящихся линий, похожих на древние руны.

Она медленно отступила, чувствуя себя так, словно была на грани обморока. Мысли путались, голова кружилась. Кто такая Лиана? Почему этот странный человек назвал её этим именем? И почему что-то внутри неё откликнулось на его зов, как струна на прикосновение музыканта?

– Настоящий дом, – прошептала она, обхватив себя руками. Эти слова эхом отдавались в её сознании, пробуждая смутные воспоминания, которых не могло быть. Сны, которые она видела всю жизнь – о странных мирах и невиданных созданиях – вдруг показались ей не просто фантазиями, а отголосками какой-то иной реальности.

Брин подошёл к ней и потёрся о ноги, словно пытаясь утешить. Лина опустилась на колени, прижав кота к себе, чувствуя, как его размеренное мурчание немного успокаивает её расшатанные нервы.

– Что со мной происходит, Брин? – прошептала она. – Кто я на самом деле?

Но кот лишь моргнул своими янтарными глазами, так похожими на глаза незнакомца из зеркала, и Лина вдруг почувствовала, что в этот момент они оба – и она, и Брин – стали чужими в этом мире.

День Наваждений

Редакция журнала встретила Лину привычным гулом голосов и стрекотом клавиатур, но сегодня всё казалось далёким, нереальным, словно она наблюдала за происходящим сквозь мутное стекло. Голоса коллег-журналистов доносились будто издалека, размытые, искажённые.

— Лина? Ты меня слышишь? — Анна, редактор отдела путешествий, помахала ладонью перед лицом Лины. — Я уже третий раз спрашиваю, готов ли материал про затерянные храмы Камбоджи для следующего номера.

— Что? А, да... статья, — Лина с трудом сфокусировала взгляд на обеспокоенном лице Анны. — Она... почти готова. Мне нужно внести последние правки и добавить фотографии.

— С тобой всё в порядке? — Анна нахмурилась. — Ты выглядишь так, будто не спала всю ночь.

Лина нервно улыбнулась, не в силах объяснить даже самой себе, что с ней происходит. *«Как объяснить другому человеку, что твоё отражение живёт собственной жизнью? Что незнакомец из зеркала знает тебя лучше, чем ты сама?»*

— Просто плохо спала, — солгала она. — Ничего серьёзного. За обедом в редакционной кухне Лина механически размешивала кофе, погружённая в свои мысли. Янтарные глаза незнакомца из зеркала преследовали её, всплывая в созна-

нии в самые неожиданные моменты. Она не заметила, как вместо сахара высыпала в чашку содержимое солонки.

– Твою ж... – выругался Виктор, фоторедактор, выплёвывая первый глоток своего кофе. – Кто насыпал соль в сахарницу?

Лина вздрогнула, с ужасом глядя на белые кристаллы, которые она только что добавила в свою чашку. Она даже не осознавала, что делала.

– Извините, это я, – пробормотала она, чувствуя, как краснеет. – Я... я не заметила.

Виктор окинул её странным взглядом, но ничего не сказал. Лина поспешно вылила кофе в раковину и покинула кухню, ощущая на себе взгляды коллег.

Весь день прошёл как в тумане. Лина совершала одну ошибку за другой: отправила статью о таинственных озёрах Патагонии не в тот раздел, дважды перепутала даты сдачи материалов, а во время интервью с известным путешественником забыла, о чём шла речь, прямо посреди вопроса.

– Что со мной происходит? – шептала она, глядя на своё отражение в чёрном экране выключенного компьютера. На мгновение ей показалось, что из темноты на неё смотрят чужие глаза – янтарные, древние, полные тайны.

Кулон под блузкой пульсировал теплом, словно напоминая о своём присутствии. Лина не хотела его надевать, но утром, перед выходом из дома, какая-то сила заставила её достать камень из шкафа. *«Это просто сувенир»*, убеждала

она себя, *«он не может контролировать мои действия»*. Но глубоко внутри она знала, что лжёт самой себе.

После обеда состояние только ухудшилось. На редакционной летучке она поймала себя на том, что невольно выводит странные символы на полях блокнота – витиеватые знаки, похожие на древние руны, которых она никогда прежде не видела, даже в самых отдалённых уголках мира, где ей доводилось бывать. Главный редактор, заметив её рассеянность, попросил Лину рассказать о концепции её новой серии статей о забытых святилищах, и она застыла, не в силах вспомнить ни единого слова.

– Простите, я... мне нехорошо, – пробормотала Лина, ощущая, как по спине стекает холодный пот. Комната вдруг начала расплываться перед глазами, лица коллег исказились, став похожими на гротескные маски.

– Может, тебе домой пойти? – предложил кто-то. – Ты очень бледная.

– Да, пожалуй... – она с трудом поднялась. – Я закончу статью дома и отправлю вечером.

В туалете Лина долго умывалась холодной водой, пытаясь привести мысли в порядок. Подняв голову, она вздрогнула – её отражение в зеркале на миг стало чужим. Не тот таинственный незнакомец, а кто-то другой – женщина с её лицом, но с иным выражением. Более уверенным. Знающим. Древним.

– Лиана, – прошептали её губы против воли. – Моё имя

Лиана.

Лина отшатнулась от зеркала, зажав рот ладонью. Ужас охватил её, парализующий, ледяной. Она не произносила этих слов – по крайней мере, не сознательно. Это словно кто-то другой говорил её голосом.

Остаток рабочего дня она провела в архиве журнала, якобы собирая материал для новой статьи. На самом деле она лихорадочно искала в интернете информацию о раздвоении личности, галлюцинациях, синдроме самозванца – о чём угодно, что могло бы объяснить происходящее с ней рациональным образом. Но каждая статья, каждый медицинский сайт только усиливали её тревогу – ни один из описанных симптомов не соответствовал в точности её состоянию.

По пути домой дважды ей казалось, что она видит в толпе человека с янтарными глазами, но оба раза, когда она оборачивалась, там никого не было. В вагоне метро, глядя в окно на проносящуюся темноту туннеля, она вдруг увидела отражение не своего лица, а леса – древнего, таинственного, залитого лунным светом. Леса, поразительно похожего на тот, что она описывала в своём последнем репортаже о забытых местах силы в Центральной Европе. Видение длилось лишь мгновение, но Лина почувствовала такую острую тоску, такое сильное, необъяснимое желание оказаться там, что слёзы выступили на глазах.

– Я схожу с ума, – прошептала она, сжимая руками виски. – Это просто нервное истощение от постоянных разъез-

дов. Нужно выспаться, и всё пройдёт.

Кулон под одеждой пульсировал всё сильнее, словно живое сердце. Его тепло разливалось по телу Лины, успокаивая и тревожа одновременно. *«Возвращайся домой»*, – казалось, шептал он. – *«Твой настоящий дом ждёт тебя. Ты писала о нём всю жизнь, не зная, что ищешь его»*.

Вечерний Визит

Возвращение домой далось Лине с трудом – каждый шаг к двери своей квартиры ощущался как движение навстречу неизбежному. Ключ дрожал в её руке, когда она отпирала замок, а сердце стучало так громко, что заглушало все звуки вокруг. Кулон на груди пульсировал, словно пытался вырваться из-под одежды, и этот странный ритм совпадал с биением её сердца.

В квартире было темно и тихо. Слишком тихо. Даже Брин, обычно встречавший её у порога, не появился. Лина щёлкнула выключателем, но свет не загорелся. Перегорела лампочка? Или... Внезапный холод пробежал по спине, заставив её вздрогнуть. Она никогда не боялась темноты, но сегодня мрак казался живым, осязаемым, словно кто-то наблюдал из каждого тёмного угла.

– Брин? – позвала она, пытаясь разглядеть что-то в полумраке. Тишина в ответ показалась ей зловещей. – Брин, ты где? Иди сюда, малыш.

Лина на ощупь добралась до кухни, нашла свечи в ящике и зажгла одну. Дрожащий огонёк создавал вокруг неё маленький островок света, отбрасывая на стены причудливые тени. С этим источником света она осторожно двинулась по коридору, проверяя комнаты. Каждый шаг сопровождался скрипом половиц, который в вечерней тишине казался оглушительным.

– Странно, – пробормотала Лина, глядя на свою тень, искажённую на стене. – Электричество не должно отключаться так внезапно.

Брин обнаружился в спальне – он сидел на подоконнике, напряжённо вглядываясь в ночь за окном. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне городских огней. Услышав шаги Лины, кот повернул голову, и ей показалось, что в его глазах мелькнуло что-то странное – понимание, несвойственное животному. Рефлексивно отражённый свет свечи придавал кошачьим глазам неестественный золотистый оттенок, напоминающий... другие глаза, которые Лина не могла вспомнить, но которые, она была уверена, видела раньше.

– Что ты там увидел? – шепнула Лина, подходя к окну. Брин издал низкий гортанный звук, не похожий на его обычное мяуканье, и напрягся ещё сильнее.

За стеклом раскинулся обычный городской пейзаж: огни соседних домов, редкие фигуры прохожих, проезжающие автомобили. Но почему-то всё это казалось ненастоящим, словно искусная декорация. Лина всмотрелась внимательно.

нее. На мгновение ей показалось, что между двумя дальними домами мелькнули очертания леса – тёмного, древнего, залитого серебристым светом луны. Она моргнула, и видение исчезло.

– Мне нужно выспаться, – произнесла она вслух, надеясь, что собственный голос успокоит разыгравшиеся нервы. – Это просто усталость.

Лина отвернулась от окна и направилась в ванную. День был долгим и выматывающим, хотелось смыть с себя усталость и странное ощущение нереальности, преследовавшее её с самого утра.

Поставив свечу на полку над раковиной, Лина взглянула в зеркало и замерла. Сначала она увидела лишь своё отражение – бледное, с кругами под глазами, с растрёпанными от ветра волосами. Но затем, за её спиной, из темноты начал проступать другой образ.

Теперь она видела его гораздо чётче: высокий мужчина с тёмными волосами, зачёсанными назад, твёрдая линия подбородка, шрам, пересекающий правую бровь. Но главное – глаза. Янтарные, словно пропитанные солнечным светом, они смотрели на неё с такой интенсивностью, что Лина почувствовала, как что-то дрогнуло глубоко внутри неё. В этих глазах читалась древняя мудрость и печаль, какая бывает лишь у тех, кто видел слишком много и пережил невыразимое. Его одежда была странной – не современной, но и не старинной, как будто принадлежащей другому миру или вре-

мени. Тёмная ткань струилась, словно живая тень, а на груди, словно отражение её собственного кулона, висел медальон с похожим символом.

– Эйден... – имя слетело с губ прежде, чем она осознала, что произнесла его. В ушах зашумело, словно порыв ветра пронёсся через комнату, принося с собой запах мокрой листвы и грозы.

Лина зажала рот рукой. Откуда ей известно это имя? Глубоко в сознании шевельнулось что-то тревожное – смутное воспоминание или фрагмент сна, который она видела много раз, но всегда забывала после пробуждения.

Мужчина в зеркале слегка наклонил голову, и на его губах мелькнула печальная улыбка. Когда он заговорил, его губы двигались, но звук, казалось, рождался прямо в голове Лины:

– Лиана... – он произнёс имя с такой нежностью, что у неё перехватило дыхание. – Твой сон заканчивается. Ты начинаешь просыпаться.

– Кто ты? – прошептала Лина, не решаясь обернуться, боясь, что видение исчезнет... или окажется реальностью. – Почему я знаю твоё имя?

– Потому что часть тебя никогда по-настоящему не засыпала, – ответил Эйден, его глаза казались бездонными. – Ты сделала выбор, Лиана. Ты решила забыть, чтобы жить здесь в гармонии, пока не придёт время.

– Забыть что? – голос Лины дрожал. – О каком времени ты говоришь?

Эйден поднял руку, и Лине показалось, что она чувствует прикосновение к своей щеке – лёгкое, как дуновение ветра, но удивительно реальное.

– Время пришло, – прошептал он. – Ты должна вспомнить. Сама. Я не могу сказать тебе больше – это разрушит всё, что ты создала.

– Я ничего не понимаю, – Лина почувствовала, как к горлу подступают слёзы. – Что я должна вспомнить?

– Кто ты на самом деле, – тихо ответил Эйден. – И почему ты здесь. Границы истончаются, Лиана. Тебе пора возвращаться.

В тот же миг свет в ванной мигнул – сначала несколько раз судорожно, затем вспыхнул ярким фиолетовым сиянием, на мгновение ослепив Лину. Когда она снова смогла видеть, отражение в зеркале показывало лишь её саму – бледную, перепуганную женщину с глазами, полными ужаса и... тоски.

Убежище Страх

Лина выбежала из ванной, не помня себя от ужаса. Она не понимала, что происходит. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Достигнув спальни, она захлопнула дверь и повернула защёлку, словно это могло защитить её от призрака из зеркала.

Комната закружилась перед глазами, и Лина вцепилась в дверную ручку, чтобы удержать равновесие. Волна тошноты

накатила внезапно. Она сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоить дрожь во всём теле. Что-то фундаментальное в её мире начало рушиться, разваливаться по швам, словно старая одежда, изношенная временем.

Прижавшись спиной к стене, Лина медленно сползла на пол. Дыхание вырывалось из груди короткими, болезненными рывками. Кулон на шее пульсировал, став почти обжигающе горячим, но она не могла заставить себя прикоснуться к нему.

– Я схожу с ума, – прошептала Лина в темноту комнаты. – Это не может быть реальностью. Не может...

Мысли путались, сбивались в хаотичный клубок. Галлюцинации? Переутомление? Или что-то более серьёзное – психоз, шизофрения? Слова, которые раньше относились к чужим, далёким людям, теперь обрушились на неё всей своей пугающей тяжестью.

Темнота комнаты казалась живой, дышащей, наблюдающей за ней. В углах сгущались тени, обретая причудливые, размытые формы. Лина закрыла глаза, но это не помогло – перед внутренним взором возникало лицо из зеркала, чужое и родное одновременно, с глазами, полными странной, тоскливой надежды.

– Мне нужно к врачу, – тихо произнесла она, обхватывая колени руками. – Завтра же... Нет, прямо сейчас. Позвонить в скорую?

Но что-то удерживало её от того, чтобы потянуться за те-

лефоном. Внутренний голос, тихий, но настойчивый, шептал: *«Никакой врач не поможет. То, что ты видишь – реально»*.

Кровать скрипнула, и Лина вздрогнула. Но это был всего лишь Брин. Кот спрыгнул с подоконника и, подойдя к ней, запрыгнул на колени. Он громко замурлыкал, прижимаясь к её груди, прямо над кулоном.

– Ты тоже его видишь, да? – Лина провела дрожащей рукой по чёрной шерсти. – Или я просто проецирую свой бред на тебя? Может быть, ты просто обычный кот, а я разговариваю с тобой, словно ты понимаешь...

Воспоминания о прошлом стали всплывать в сознании, но не её собственные – чужие, незнакомые образы леса с серебристыми деревьями, высоких шпилей, пронзающих пурпурное небо, и лиц, похожих на человеческие, но с чертами слишком правильными, слишком совершенными. Она потрясла головой, отгоняя эти образы, но они возвращались, словно настойчиво пытались что-то ей сказать.

Внутри неё разгорался конфликт. Врач, таблетки, диагноз. Но было что-то ещё – интуиция, иррациональное чувство, что происходящее имеет объяснение за пределами медицинских терминов.

«Если я расскажу кому-то об этом, меня наверняка упекут в психиатрическую клинику.»

Брин поднял голову, и его янтарные глаза встретились с её взглядом. Лина потрясённо замерла – на мгновение ей пока-

залось, что в глазах кота отражается нечто большее, чем простое животное любопытство. Понимание? Сочувствие? Или это просто её измученный разум искал утешения там, где его не было?

– Кто этот Эйден? – она произнесла имя с осторожностью, словно опасаясь, что оно снова вызовет странные видения. – Почему я знаю его имя? Почему оно кажется... знакомым?

При звуке этого имени, произнесённого вслух, кулон слегка вспыхнул, и Лина могла поклясться, что в комнате на секунду повеяло странным, не принадлежащим этому миру ароматом – запахом цветов, которых она никогда не видела, но почему-то знала, как они должны пахнуть.

Лина посмотрела на свои дрожащие руки. Обычные руки обычного человека. Но почему тогда ей казалось, что они должны светиться в темноте? Почему она ожидала увидеть на запястье татуировку, которой никогда у неё не было?

Она закрыла глаза и на мгновение увидела эту татуировку так ясно, словно она действительно существовала – извивающаяся линия, похожая на причудливую вязь неизвестного языка, обвивающая запястье и поднимающаяся вверх по руке. В видении её кожа была бледнее, почти прозрачная, с голубоватыми венами, просвечивающими сквозь тонкий эпидермис.

– Я боюсь, – прошептала она коту. – Боюсь, что схожу с ума... но ещё больше боюсь, что всё это реально. Что мне делать, Брин?

За окном пролетела тень, на секунду затмив свет уличного фонаря. Лина вздрогнула и прижалась к стене, но это была всего лишь птица. Или ей так показалось?

– Они ищут меня? – вопрос вырвался сам собой, и Лина удивилась собственным словам. Кто «они»? Откуда взялась эта мысль?

Кот положил лапу на её кулон, словно в утешение. Камень слегка потеплел, но остался тусклым, безжизненным. Лина прижала животное к себе, ища в его тепле и мурлыканье якорь реальности – той простой, понятной реальности, которая ещё вчера была единственной, в которую она верила.

И всё же, где-то глубоко внутри, в самых дальних уголках сознания, зарождалось странное чувство. Не страх – или не только страх. Любопытство. Зов неведомого. То самое ощущение, которое заставляет людей открывать двери, за которыми может скрываться опасность, идти по тёмной дороге, ведущей в неизвестность.

– Что если я всегда знала? – прошептала Лина так тихо, что даже Брин не мог её услышать. – Что если где-то глубоко внутри я всегда помнила.

Ночь Откровений

Сон не шёл. Лина лежала в постели, глядя в потолок, на котором тени танцевали причудливый танец. Брин свернулся клубком у её ног, но не спал – его янтарные глаза были

приоткрыты, наблюдая за ней с настороженным вниманием.

Кулон на груди пульсировал в такт с её сердцебиением, и с каждым ударом Лине казалось, что что-то внутри неё пробуждается. Что-то древнее, спавшее глубоко под слоями обыденной реальности.

– Лиана... – шёпот прозвучал так близко, что Лина вздрогнула и резко села в постели. Комната была пуста, но ощущение чужого присутствия стало почти осязаемым.

– Кто здесь? – её голос дрогнул.

Вместо ответа кулон вспыхнул ярким фиолетовым светом, заливая комнату призрачным сиянием. В этом свете контуры реальности стали зыбкими, текучими. Стены спальни, казалось, растворялись, открывая проход в другое пространство.

И в этом пространстве стоял *он*. Эйден. Теперь она видела его гораздо чётче – высокая фигура, широкие плечи, тёмные волосы, зачёсанные назад, открывая высокий лоб с тонким шрамом над правой бровью. Лицо с резкими, благородными чертами и глаза... янтарные, древние, полные силы и знания, недоступного смертным.

– Пришло время вспомнить, Лиана, – произнёс он, и его голос, глубокий и бархатистый, отзывался в каждой клеточке её тела. – Время почти вышло.

– Я не Лиана, – прошептала она, но слова прозвучали неуверенно. – Моё имя Лина.

– Лина, Лиана – всего лишь вариации имени, под которым

твоя душа существует в разных мирах, – Эйден сделал шаг к ней, и хотя физически он оставался по ту сторону невидимой границы между мирами, Лина почувствовала его приближение каждой клеткой. – Но твоя истинная сущность неизменна, как и твоя клятва.

– Какая клятва? – Лина подалась вперёд, не в силах противостоять магнетическому притяжению этого странного мужчины. – Я ничего не понимаю!

– Твоя память была стёрта, чтобы защитить тебя, – в голосе Эйдена прозвучала боль. – Но кулон хранит отпечаток твоей истинной сущности. Он пробуждает то, что спит внутри тебя.

Лина опустила взгляд на фиолетовый камень, светящийся на её груди. Внутри кристалла, казалось, клубились туманные сгустки, словно живые существа, запертые в крошечной тюрьме.

– Что это? – прошептала она.

– Осколок Вечности, – ответил Эйден. – Кристалл из сердца нашего мира. Ты сама создала его перед тем, как уйти, связав свою сущность с его силой. Он – ключ к твоему возвращению.

– Возвращению куда?

– Домой, Лиана, – в янтарных глазах Эйдена мелькнула тоска. – В Эльхейм. В мир, которому ты поклялась в верности. В мир, который умирает без тебя.

С этими словами видение начало блекнуть. Фигура Эйде-

на растворялась, как дым на ветру. Последнее, что увидела Лина перед тем, как реальность её спальни снова стала плотной и непроницаемой – его протянутую руку и глаза, полные отчаянной надежды.

Зов Крови

Лина не помнила, как заснула. Её сознание словно провалилось в глубокую тьму, а затем вынырнуло из неё, когда первые лучи рассвета коснулись её лица. Но это был не обычный сон – всё это время её наполняли видения иного мира: величественные горы с фиолетовыми склонами, леса с деревьями, стволы которых светились изнутри, замки из хрусталя и обсидиана, парящие над бездонными пропастями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.